

© 2006 г.

"АВТОНОМНАЯ" СОЦИОЛОГИЯ - ИДЕЯ ИЛИ ГИПОТЕЗА?

Январский (2006 г.) выпуск журнала Международной социологической ассоциации "Current Sociology" посвящен "автономной" социологии - термину, содержание которого, что станет ясно ниже, требует пояснений и размышлений. Введение (с. 5-6) к выпуску "Идея автономной социологии. Размышления о состоянии научной дисциплины" подготовил его редактор Сайед Фарид Альатас, профессор Национального университета Сингапура. Общий замысел номера реализован в статьях профессора Национального университета Малайзии Сайеда Хассейна Альатаса "Автономное, универсальное и будущее социологии" (с. 7-24) и доцента Национального университета Сингапура Хабибул Хака Хондкера "Социология коррупции и 'коррупция социологии'" (с. 25-40) и др. В них обсуждается смысл идеи "автономной" социологии, продемонстрирован ее потенциал на примерах социологических исследований. То обстоятельство, что остальные статьи в номере представляют конкретные кейс-стади, позволяет ограничиться в моем обзоре названными двумя статьями [1].

Рассматриваемой в статьях проблематике репрезентирует положение ряда стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) - Малайзии, Сингапура, Филиппин и др. Это динамично развивающийся регион мира. Его развитию, естественно, сопутствует масштабная подготовка специалистов-социологов с университетским образованием, как в собственных странах, так и в "западном" мире (куда относятся не только Европа, США и Канада, но и Австралия и Новая Зеландия, а может быть и ЮАР). Заслуживает внимания и тот факт, что университетская профессура этих стран интенсивно развивает социологические исследования. Однако социология стран Юго-Восточной Азии, конечно, сталкивается с рядом трудностей, напоминающих своими некоторыми гранями российскую социологическую "повседневность".

Действительно, широко обсуждаемые процессы глобализации, казалось бы, подсказывают и региональным сообществам социологов перспективу интенсивного поиска единого для всего сообщества представления о современной социологии, ее задачах, направлениях развития. Но как быть с реальными глубокими различиями между регионами мира, которые явно означают отрицание линейных представлений о неминуемом (и уже начавшемся) движении к единой глобальной социологической науке? Конечно, весьма интересным представляется точка зрения на такую ситуацию самими затронутыми этими процессами коллегами-социологами, чему наш журнал пока мог уделить лишь периферийное внимание [2]. К тому же, проблемы "незападной" части социологии иллюстрируют одну из граней постколониальной науки - феномен, который выступает как часть истории международной социальной науки второй половины XX века.

Какими же штрихами рассматриваемые материалы дополняют наши представления о положении в мировой социологии? Прежде всего, привлекает к себе внимание сам факт, что обсуждаемый материал намеренно фокусируется на разделе между "западной" и "незападной" социологиями. Это деление дало повод сформулировать во введении к специальному выпуску следующие оценки: в названных странах Юго-Восточной Азии "отсутствует автономия" социологии; в них сформировалась определенная "научная зависимость"; в целом, мировое социологическое общество пока не сумело выработать собственного мультикультурного подхода. В нем, по выражению автора, профессора С.Ф. Альатаса, "избыточно полагаются на вклад западных ученых в социологию и другие общественные науки" (с. 5, 6). Даже по отношению к классикам мировой социологии в ряде случаев рекомендуется известная сдержанность, связанная с нецелесообразностью их копировать (с. 31).

Касаясь понятийной стороны, подчеркну, что использование терминов "западная" и "незападная" в конкретном контексте лишено всякой эмоциональной, оценочной

окраски. Одновременно решительно отвергается иногда используемый термин "туземный"; "туземизация" - лишь калечит, искажает науку в той же степени, что и политизация. Показательно, что в качестве одного из примеров *туземизации* с политико-идеологическими последствиями упомянута псевдонаучная доктрина советского агронома Т.Д. Лысенко (1898-1976) [О нем см.: 3], а также (с. 14) сетования Н.С. Хрущева, что некоторые советские интеллигенты не хотят заниматься ручным трудом.

Да и можно ли аккуратно провести границу между востоком и западом? Эта граница все время меняется - в Турции, например, обострилось противоборство по поводу вхождения в европейский регион, причем исход борьбы далеко не предопределен.

Представление о единстве социологического знания в рассматриваемых текстах выстроено вокруг послышки о наличии ядра социально-научного знания. Это ядро включает базовые понятия социальной теории (с. 7): группа, идеология, интеллектуалы, историческая причинность, класс, культура, обычай, правящий класс, религия, санкции, социальная мобильность, социальная стратификация, революция, толпа, утопия, ценности, элиты, массы и т.п. Содержание универсальной социальной науки валидно во всем человеческом обществе. Обращу при этом внимание на полагаемое само собой разумеющимся наличие социальной науки, отличной от социологии без уточнения разделительных линий между ними. Идеалом социальной науки будущего видится точная наука, свободная от влияния традиций и культуры, подобного тому, как от них свободна формула $2 \times 2 = 4$ (с. 11). Правда, в этой связи поставлены и очевидные вопросы: как понимать категории "социальной науки": как конкретные события или как универсальные свойства? существует ли единый модернизм? есть ли азиатская традиция в социологии? возможен ли современный незападный модернизм? (с. 33, 36 и др.) За мечу, что на последний вопрос ответ дан положительный.

Как справедливо указывают авторы, конкретные традиции и проявления перечисленных и иных феноменов исторически обусловлены. И было бы ошибочным при анализе высказанных положений игнорировать обстоятельства постколониального освобождения из-под влияния метрополий и слепого подражания им. Но не только. Предложенную "автономную" социологию рекомендуется строить на изучении именно присущих конкретным странам "уникальных", в том числе исторических феноменов. Термин "автономное" понимается как "конкретный социальный феномен, валидный лишь в одной конкретной сфере или присущий некоторым конкретным обществам, как, например, использование палочек при еде" (с. 8). В известном смысле всякая социальная наука соотносится с обществом, к которому она принадлежит. Констатируется в этой связи "...наличие глубоких и сильных автономных социологических традиций в Европе и в Америке, и, несомненно, в России, в Испании, странах Латинской Америки" (с. 12).

Аргументируя призыв к "автономности" (с. 9) С.Х. Альатас отмечает, что саму западную традицию социологии и других общественно-научных дисциплин можно рассматривать как по-своему "автономные". В пользу существования автономной традиции западной социологии приводятся исторические (но на наш взгляд, сомнительные) аргументы: "идея социологии как науки или научной дисциплины возникла не на Западе... Открыл социологию как науку, изучающую человеческое общество, Абд Эль-Рахман ибн-Хальдун (1332-1406 н.э.), мусульманский историк, социолог, судья, дипломат и реформатор, родившийся в Тунисе и умерший в Каире". Разворачивая аргументацию этой мысли, автор пишет, что в книге "*Muqadimah*" ("Введение во всеобщую историю") ибн-Хальдун социологию называл *ильм аль умран* - законы общества и истории (с. 9-10). Ибн-Хальдун как раз и сформировал автономную социологическую традицию. По мнению Альатаса, изучение истории социологии должно включать его в числе ее отцов основателей (с. 15, 17).

Традиция Хальдуна и традиция европейцев XIX в. устояли перед более поздними гегемонистскими притязаниями и насаждением имитационного мышления, как и - в последнее время - действиями глобалистов. Эта фраза, возможно, имеет в виду некоторые американские социологи: в прошлом Т. Парсонс, например, не видел вклада в

социологию К. Маркса или Г. Зиммеля; были попытки считать Парсонса создателем современной социологии. Проблема не в универсализме социологии, полагает Альатас, а в том, чтобы перестать понимать универсализм как исключительно западную науку и наладить в таком контексте нужный диалог. Автономная социально-научная позиция способна повернуть социально-научные исследования и мышление к специфическим региональным проблемам, которые будут исследоваться учеными в регионах.

Следует подчеркнуть, что позицию авторов выпуска никак не назовешь "антизападнической". Напротив, подчеркнуто, что автономное развитие социальных наук в каждом регионе нельзя изолировать от того, чем занята социология на Западе. В подкрепление своих позиций следуют ссылки на выводы видных европейских социологов. Так, К. Маннгеймом основательно разработана проблема социальной укорененности знания и социологической традиции. По П. Бурдье даже на уровне индивида исследователь-социолог должен быть готов встретить историю инкорпорированную и историю объективированную [4]. С.Х. Альатас обращает внимание читателей на то обстоятельство, что наследие Хальдуна для современных арабов сохранили "западные" мыслители. Он приводит перечень европейских социологов (в частности, Людвиг Гумпловича), которые анализировали выдающийся вклад этого арабского ученого в развитие социальной мысли и пропагандировали его, и замечает, что даже сейчас об ибн-Хальдуне гораздо чаще пишут и говорят в Европе, чем в арабских странах, за исключением Египта.

То есть, мысль авторов выпуска такова: социология страны или региона связана с национальными традициями, с их историей. Речь, что неоднократно подчеркивается, идет об отказе не от заимствований у "западных" социологов, а в гораздо большей мере от некритического подражания западным общественным наукам. Такое подражание характеризуется термином "форма гегемонии запада" в интеллектуальной сфере. Одна из граней смысла данного определения отражена в понятии (с. 8) "имитационное мышление", некоторыми учеными принятое добровольно и даже с энтузиазмом. Оно формировалось несколькими путями (с. 28). Доминирующие парадигмы налагались (imposed) извне, из бывших метрополий. Социологи в Азии бездумно копировали так называемую западную социологию. В ряде случаев социологию в их страны трансплантировали европейские или американские обществоведы; в других странах местные социологи, получив образование за морем, возвращались и преподавали только западные социологические теории. В ряду этих факторов, очевидно, и "недопустимая" тенденция рассматривать развивающиеся регионы как одно недифференцированное целое.

Приведен показательный пример из социологии революции (с. 21). В незападном мире, отмечает С. Х. Альатас, ученых не очень интересуют проблемы американской революции 1775 г. (в отличие от революций Французской и Русской), за исключением ее общественных идеалов. Высказано предположение, что причиной является то, что революция в Америке не свергла "старый режим". Но тут я бы возразил: причина, может быть, в том, что это не была революция, а война североамериканских колоний за независимость от Великобритании, - так какое то время назад ее оценивали марксистские историки.

Характеристику ситуации с незападной социологией дополняет констатация, что в Азии не так много социологов, которые считают нужным развивать автономную творческую традицию, релевантную и Азии, и всему развитию социальных наук в мире. Значительное большинство просто тиражируют их достижения в Европе и Америке без какой-либо адаптации к местным условиям. Такой подход, подчеркнуто в статье, упускает из виду целый ряд важных для развития страны переменных. Между тем, еще в 1960-е годы лауреат Нобелевской премии Гуннар Мюрдаль [5] считал нужным создавать в странах Азии и в других развивающихся регионах самостоятельную социальную науку (с. 31). Иначе получается "заочная" наука, которая никак не способствует прогрессу этих стран и народов.

Насколько сказанное напоминает то, с чем приходится иметь дело в России, в отечественной социологии? В России есть своя социологическая традиция. В российской ситуации можно говорить об известной самостоятельности (даже обособлении) социологов в российских регионах, включая все уровни социологического знания. У нас есть реальный парадокс: несмотря на длительное господство марксизма, марксистской традиции в социологии как бы и нет, да и не только в социологии, но и во всех социальных науках, хотя доминирует "стихийный" марксизм (хотя бы в виде материализма). "Имитационное мышление", может быть, не столь широко распространено в России, как в странах Юго-Восточной Азии. Хотя не стану утверждать, что в практике работы журнала "Социологические исследования" нам не приходилось встречать сторонников слепого заимствования "западных" (буквально, в географическом смысле исключающих и мыслителей Китая, и ибн-Хальдуна) подходов. В регионах нашей страны есть попытки обособления "своей" социологии. Но они скорее вытекают (помимо материальных трудностей) из неумения находить возможности обогащения теории получаемыми на региональном материале данными. Там не менее остро, чем в центрах развития отечественной социологии, стоит вопрос о том, как развиваться, соотнося себя с мировой социологической мыслью, с "западной", возможно, со "столичной" социологией. Рецепт же развития социологического творчества, конечно, известен в России. Его лишь, видимо, следует более последовательно и осознанно проводить в жизнь.

Итак, замысел спецвыпуска журнала "Current Sociology" - в идее автономно научной традиции в социологии, необходимости создавать в регионах мира подлинно автономную научную традицию на уровне интеллектуальной рефлексии, планирования, концептуализации. Все это продиктовано, по мнению авторов, реальными общественно значимыми для конкретной части мира проблемами. Собственно говоря, перед нами - призыв к социологам - невзирая на мейнстрим, на устоявшиеся традиции, заниматься проблематикой, которая наиболее актуальна для данного конкретного региона (социума).

Социологам незападного мира стремление очертить свой собственный теоретический радиус мышления и исследований подсказывает, в частности, делать более выраженные акценты на превентивную, профилактическую роль социологии. Названы конкретные точки приложения исследовательских усилий: бедность, коррупция, разрушение окружающей среды, нарушения прав человека, несправедливость и отсталость политической системы и другие серьезные проблемы. Философское предназначение социологии видится в том, чтобы играть роль превентивной науки; Дюркгейм, замечает автор, изучал самоубийство именно с такой целью.

В этой связи затронут часто звучащий контраргумент, связанный с фрагментацией дисциплинарного поля социологии в результате (с. 22) расширения сфер социологических исследований и формирования новых специальных дисциплин. С.Х. Альятас признает, что это постоянная проблема социологии. Дюркгейм советовал расширять социологию за счет истории; сейчас это поле могут расширять проблемы терроризма или междисциплинарные (при участии социологов) исследования изменений климата. Но главное заключено в том, чтобы расширение диапазона исследований, формирование специальных направлений и дисциплин не уведило социологов от острых проблем общества. По этой, в первую очередь, причине недопустимы шаблоны в выборе исследовательских тем, ограничение горизонтов национальной социологии тем, что наработано в других, более развитых в социологическом плане странах. Идею автономной социологии можно свести к тому, что социологи незападного мира должны видеть не только проблемы, которые решают их коллеги в странах Запада.

Переходя к иллюстрации вклада в современную социологию "незападных" исследователей, авторы подчеркивают, что в центре внимания обществоведов Юго-Восточной Азии всегда находится ключевая проблема региона - динамика развития расположенных здесь стран. Хорошо известным благодаря проведенным исследованиям стал парадокс Таиланда [7], где происходит модернизация (частью западных социологов

представляемая в качестве ведущей тенденции современности [8]) без развития. Показано своеобразие развития (с. 13) Индии в условиях влияния кастовости на поддержание отсталости и инерции [6], причем возвращавшиеся из европейских университетов индийцы скорее укрепляли систему каст, чем работали над ее преодолением. Изложены "социологические миниатюры", связанные с проникновением в европейский быт таких иноземных обычаев как курение или употребление кофе. Но не такого рода частные, конкретные примеры того, как можно понимать и реализовать на практике идею "автономной" социологии, находятся в центре внимания авторов.

Пафос выпуска направлен против укоренившихся мыслительных стереотипов, вошедших в идеологию и политическую практику. Одним из них является "миф о ленивом туземце" [так назвал свою книгу (1977 г.) С.Ф. Альбас - 9], плохо и неумело работающим. По аналогии можно утверждать, что в России циркулируют мифы не менее пагубные, чем миф о ленивом туземце: "хотели как лучше, а получилось как всегда"; "умом Россию не понять" и т.п., не говоря уже о стереотипе "Ивана-дурака" или вечного пьяницы. За этими мифами стоят реальные интересы и позиции, заслоняющие, в данном случае, ключевые проблемы азиатских стран, а также стран Африки и Среднего Востока. Повторю, ключевой среди них названа проблема развития (с. 20).

В то же время, авторы выпуска привлекают внимание к выстраданной народами бывших колоний практике уже постколониальных времен, которая, возможно, в недостаточной мере стала предметом внимания социологов этих стран. Так, актуальным (и созвучным ситуации в отечественной практике) видится предложенный С.Х. Альбасом социологический анализ типичных ошибок руководящих кругов стран третьего мира в постколониальное время. Социология людей, совершающих такие ошибки, это своего рода антипод социологии интеллектуалов (интеллигенции). Обе эти внешне полярные группы людей автор советует изучать вместе, сравнивая их, как сравнивают боксеров или борцов самой легкой и самой тяжелой весовых категорий. Неудачи в развитии часто были следствием выявленного социологами (социология элит) набора ошибочных действий и мыслительных стереотипов конкретных групп людей. Ошибки выражаются в неспособности решать стоящие проблемы, принятии ошибочных решений, неумении анализировать ситуацию и т.д. (в этой связи в статье фигурирует фраза "социология дураков"). В результате коррупция, деградация, нестабильность правительств, враждебная демократии и социальной справедливости власть подрывают развитие некоторых стран третьего мира, делает их нечувствительными к гуманитарным ценностям.

Проблема ошибочных решений в нашей стране достаточно известна и вполне обеспечена источниками. Здесь социология может выступать в роли превентивной, предупреждающей ошибки науки. Если их проанализировать и типологизировать, на ошибках можно учить - сделав "социологию ошибок" главным предметом учебных планов и программ в академиях государственной службы РФ, твердо усвоив, короче говоря, кого нельзя допускать к власти. Обозначенным ниже качествам вполне можно специально учить, формализуя процедуру и тренируя в типичных ситуациях. Дело не только в способностях, но и в навыках, умениях, которые можно и нужно формировать.

Авторский анализ [10, р. 45] позволил сформулировать типологию ошибочного мышления людей, находящихся у власти, сведя ее к 14 признакам (с. 18). Эти признаки вполне делятся на две категории. *Первая категория* связана со свойствами мышления конкретного человека, оказавшегося лицом, принимающим решения (ЛПР). В этом случае нужно или совершенствовать процедуры отбора на высшие политические должности, связанные с принятием решений (ЛПР), или, если отсеивание не получилось, совершенствовать систему сдержек и противовесов - то есть демократию. Здесь автор выделяет такие качества как неумение выявлять проблему, ее сущность, затруднения в понимании и в способности ее решить; нехватка умственной энергии; несамокритичность, неспособность допускать возможность собственных ошибок; неспо-

способность предвидеть последствия принимаемых решений; критическое отношение к себе, к выработанным на опыте привычкам; следование линии наименьшего сопротивления и т.д.

Вторая категория затрагивает мыслительные, научно-аналитические способности, которые вполне могут быть развиты, сформированы в процессе обучения ЛПР в университетах или при получении второго высшего образования: неумение учиться; неумение мыслить в контексте места и времени, просчитывать варианты; описательный, не аналитический тип мышления; отсутствие последовательности и поэтапности в мышлении, анализе ситуации или проблемы; неспособность оперировать аналитическими категориями высокой степени абстракции и др. Можно продолжать, но и приведенные формулировки говорят о принципиальной возможности выявить разницу этого типа людей с идеальным типом ЛПР, или вообще - интеллектуала (интеллекта).

Любопытен в этой связи аргумент автора, выделившего риск того, что даже самый высокообразованный специалист в чужой области и в особенности в суждениях по социальным проблемам, не связанных с его профессиональной специальностью, часто способен продемонстрировать полнейшую некомпетентность. В 1960 г. парижский журнал "Экспресс" обнародовал представления ведущих мировых ученых, включая Нобелевских лауреатов и членов академий (в том числе АН СССР) о жизни в 2000 году. Большинство выразило уверенность, что к этому времени обычными станут полеты на Луну, обитаемые космические спутники, передача информации из электронных банков непосредственно в мозг человека. Считалось даже, что оплодотворение людей будет только искусственным. Такой же характер, замечает автор, носят многие суждения А. Эйнштейна о боге, государстве, мире, смысле жизни. Очевидно, что автор стремится привлечь внимание к особой значимости специальных, социологических знаний.

Вторая, выстраданная странами региона ЮВА проблема развития - изучение коррупции (с. 29): "самая серьезная проблема, от которой страдают развивающиеся общества". Еще в "Азиатской драме" Г. Мюрдаль назвал коррупцию одной из самых серьезных преград на пути развития многих стран этого континента. Лишь руководство Сингапура всерьез отнеслось к этой опасности. В большинстве же стран региона она уже свыше 40 лет сохраняется в еще более явной и намного более болезненной форме. Ситуация дошла до такой степени остроты, что в применении к ряду стран говорят о клептократии - власти воров (с. 29). В применении к бывшему Советскому Союзу начала 1980-х годов этот вопрос ставился в форме, скорее, публицистической [12] корреспондентом Агентства Франс Пресс в Москве П. Мени (Мепеу). Недавний серьезный мировой финансово-экономический кризис показал, что в ряде стран развивающейся части мира коррупция стала частью ткани общества.

Социолог, доцент Сингапурского национального университета Х.Х. Хондкер приводит данные созданной в 1999 г. "Transparency International" ("Интернационал прозрачности"), международной неправительственной организации, занимающейся отслеживанием и анализом положения с коррупцией. В мире наилучшим считается положение в Финляндии, Новой Зеландии; в Азии в Сингапуре, Японии и Гонконге; наихудшим в Бангладеш, Гаити и Индонезии. Между тем, констатирует автор (с. 26, 27), социологи уделяют коррупции явно недостаточно внимания; работ с анализом конкретных ситуаций и данных по ее проблемам мало, выходят они редко.

Среди литературы о коррупции - труды С.Х. Альатаса [11], на которые часто ссылается Х.Х. Хондкер. Здесь (с. 32) приведены данные о китайском реформаторе Ван Ань Ши (1021-1086 н.э.). Он видел корни коррупции в плохих законах (нужны эффективные и разумные законы) и плохих людях; людей он делил на моральных и высоко моральных; последние не подвержены превратностям судьбы. Опасны люди, не придерживающиеся высоких моральных стандартов, но оказывающиеся у власти. В бытность судьей, отмечает Хондкер, безуспешно пытался бороться с коррупцией ибн-

Хальдун. Он считал ее источником жажды правящей группы к роскоши: стремление жить в роскоши рождает коррумпированные сделки. Исследователи реформ в КНР показали факторы, породившие там расцвет коррупции: "системные проблемы, широкие возможности и стимулы, рожденные рыночно ориентированными реформами, кризис ценностей, слабость правовых и контролирующих механизмов" [13]; отмечен и фактор культуры.

С.Х. Альатас в монографии (1986 г.) показывает эту проблему как универсальную. Он решительно не приемлет культуралистских ссылок и осуждает довольно распространенный релятивизм. Опираясь на успехи Сингапура, на данные по Китаю, Индонезии, Корею и Германии, он показывает сложные взаимосвязи коррупции с экономической жизнью, с одной стороны, и коррупцией и политикой властей, с другой; провел ее классификацию. Он обратил внимание на заметные схожести коррупции в Азии и Латинской Америке. Преодоление ее требует хорошего и долгосрочного планирования. С.Х. Альатас в изучении коррупции применяет историческую и структурную социологию. В частности, он выделяет первичную коррупцию (собственно акты подкупа, взяточничества, вымогательства, протекционизма и т.п.) и вторичную - действия в политических сферах, обеспечивающие прикрытие коррупционных деяний и групп (с. 31). Имеющийся эмпирический материал демонстрирует наличие разной степени терпимости к коррупции, что требует разработки шкал и измерения степени коррупции с тем, чтобы реакция была соизмеримой. Принципиально важным считает автор выступать против тезиса (звучащего и в отечественных условиях) о хорошей и плохой коррупции. "Коррупция, подобно уголовной преступности, грозит всему обществу, поэтому к ней нужно подходить соответственно. Здесь нет места попыткам оправдать ее ссылками на уровень политического и экономического развития, на культуру страны. Коррупция разлагает. И следует делать все, чтобы выкорчевать ее" (с. 30). Нельзя считать коррупцию смазкой ржавой системы, подчеркивают все, кто изучает ее проблемы и ее влияние на развитие стран региона (с. 35).

Все же в большинстве случаев анализ коррупции не сопровождается раскрытием социального и регионального контекстов. Автор отмечает (с. 31) и тот факт, что марксистская общественная наука не дала убедительного анализа коррупции и способов борьбы с ней. Причина этого в том, что марксистским исследованиям свойственны концентрация на властных уровнях, на околоправительственных кликах, игнорирование микроуровней анализа данного явления.

Что касается вынесенной в заголовок статьи Х.Х. Хондкера "коррупции социологии", здесь имеется в виду, что социологи нередко уходят от постановки, обсуждения, анализа самых острых для конкретного социума проблем (наряду с коррупцией он называет также войны и голод). Высказывается сожаление по поводу масштабов распространенности среди социологов такого подхода.

Возвращаясь к исходной идее "автономной" незападной социологии, приведу имена современных социологов, которые, по мнению автора, максимально приблизились к идеалу гармонии "западной" и "автономных" традиций в мировой социологии. В этом отношении Х.Х. Хондкер отметил "холизм" Фернана Броделя, "коллективную репрезентацию или, шире, культурный фактор" в наследии Макса Вебера, историческую социологию профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке (США) Тедды Скокпол.

Авторы рассматриваемого выпуска доказывают, что привязка к реальностям стран и регионов связана с общественной ролью социологии. Выступление социологов с позиций, основанных на иноземных образцах и подходах, даже на апробированных теориях, если последние не адаптированы к затрагиваемой стране, способны лишь вызвать негативное отношение к нашей науке. По П. Монтеню, разум, а не мнение, призван стать мерой научного анализа общества. Это путь более полной реализации идеи общественного служения социологии, о котором много говорят в междуна-

родном сообществе социологов (в частности, в связи со всемирным социологическим конгрессом 2006 г.). Характерно, что в качестве образцов такого служения нуждам общества автор называет труды социологов, известных марксистскими взглядами: Р. Линд, Ч.Р. Миллс, П. Бурдьё, М. Буравой [14].

Насколько серьезны перемены в социологии, о которых идет речь в специальном выпуске на подобную тему? Симптоматична в этой связи мысль о предстоящей "революции" в социологии. Позволю себе закончить соответствующей развернутой цитатой из статьи С.Х. Альатаса: "Такая революция в социологии повлечет за собой не только рост концептуального развития, поддержанный разными частями мира, но также разрыв с сектантскими преградами на пути к объединению социологического мышления - в отличие от выводов. Сектантскими я называю тенденции в концептуализации и методологии, когда других не допускают на такие же позиции авторитета и значимости. Я говорю не о философском сектантстве, подобном марксистской или капиталистической идеологиям, а о застывших взглядах функционалистов, структуралистов, формальных социологов, адептов количественного или качественного подходов. Я говорю также о тенденции к фрагментации, фрагментации не в выборе тем, а в подаче тематики, когда игнорируют выходящие за рамки собственных представлений авторов более широкие связи с [многообразной] реальностью" (с. 21).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Current Sociology, 2006. V. 54. № 1. Special issue: The idea of autonomous sociology: Reflections on the state of the discipline. *Syed Farid Alatas*. Editorial introduction: The idea of autonomous sociology: Rejections on the state of the discipline; *Syed Hussein Alatas*. The Autonomous, the Universal and the Future of Sociology; *Khondker H.H.* Sociology of Corruption and 'Corruption of Sociology' (pp. 5-40). Полностью содержание номера приведено в нашем журнале № 6, 2006 г. в рубрике "Журнальный гид".
2. *МакДаниельс С.* О Всемирном конгрессе социологов в Брисбене // Социол. исслед. 2004. № 11. С. 107-109.
3. *Медведев Ж.А.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929-1966). М.: Книга, 1993.
4. *Бурдьё П.* Мертвый хватает живого. Об отношениях между историей овеществленной и историей инкорпорированной / *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С. 273-274.
5. *Myrdal G.* Asian Drama: An Inquire into Poverty of Nations. NY, 1968;
6. *Lohia R.* The Caste System. Hyderabad, 1979.
7. *Jacobs N.* Modernization without Development: Thailand as an Asian Case Study. NY, Praeger, 1971.
8. *Цанф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социол. исслед. 1998. № 8. С. 14-26.
9. *Alatas S.H.* The Myth of the Lazy Native: A Study of the Image of the Malays, Filipinos, and Javanese from the Sixteenth to the Twentieth Century and its Functions in the Ideology of Colonial Capitalism. L., 1977.
10. *Alatas S.H.* Intellectuals in Developing Societies. L., 1977.
11. *Alatas S.H.* The Problem of Corruption. Singapore, 1986.
12. *Meney P.* La cleptokratie, - le delinquance en U.R.S.S. P., 1982.
13. *Hao Yufan, Johnston M.* Corruption and the Future of Economic Reforms in China // *Heidenheimer A., Johnston M.* (eds.). Political Corruption: Concepts and Contexts. New Brunswick, NJ., 1992. P. 583-604.
14. *Bourdieu P.* e.a. The Weight of the World. Cambridge, 1999; *Burawoy M.* Public Sociologies: Contributions, Dilemmas, and Possibilities // Social Forces. 2004. V. 82. № 4. P. 1603-1618; *Lynd R.* Knowledge for What? Princeton, 1939; *Mills C.W.* Sociological Imagination. NY, 1959.

*Материал подготовил Н.В. РОМАНОВСКИЙ
При поддержке РГНФ (грант 06-03-00108а).*